

Глава 9

Когда Ван Ин вернулся из переднего двора, Чэнь Цинъянь уже проснулся. Лицо его было мрачнее тучи.

— Семья Второго дяди снова приходила просить денег? — спросил он глухо.

— Угу. Почему ты не спишь? Время-то позднее.

— Разбудили их крики.

Заметив, что супругу неудобно лежать на плоской подушке, Ван Ин потянулся к изголовью и заботливо подложил ему под спину валик.

— Спа... спасибо, — пробормотал Чэнь Цинъянь.

Когда юноша склонился над ним, больной почувствовал, как к щекам прилила кровь. К счастью, в комнате тускло горели свечи, иначе насмешек было бы не избежать.

— Твой Второй дядя совсем стыд потерял, — продолжил Ван Ин, присаживаясь на край кровати. — Явился и с порога потребовал пятьсот лянов серебра. А когда я вставил пару слов, он сразу начал козырять старшинством и грозился «проучить» меня за твоего покойного отца.

— Какая наглость! Да как он посмел! — Чэнь Цинъянь в гневе хлопнул ладонью по постели.

— Да уж, он на многое горазд. Сказал, что когда ты подохнешь, он продаст меня в бордель, чтобы я до конца дней своих в грязи валялся. Если бы не стража, они бы сегодня весь дом вверх дном перевернули.

Грудь Чэнь Цинъяня тяжело вздымалась от ярости. Он и раньше знал, что Второй дядя человек непутевый, но не думал, что тот опустится до такой низости. Юноша попытался приподняться, порываясь выйти и во всём разобраться лично.

Ван Ин тут же прижал его обратно за плечи.

— Ты ведь и шага ступить не можешь, лежи и отдыхай.

— Кхм-кхм... Посади меня в кресло-коляску... — сквозь кашель прохрипел больной. — Я поеду к нему... спрошу в глаза... кхм... как у старшего... язык повернулся такое сказать... Бесстыдник!

Ван Ин поспешно поднес ему чашку воды, помогая унять приступ.

— Он потому так и смел, что видит: ты к постели прикован, в доме только женщины да дети, и заступиться за нас некому. Если правда хочешь позаботиться о семье, то скорее поправляйся. Раз мы ему сегодня отказали, он затаит злобу и наверняка еще какую-нибудь пакость выкинет.

Чэнь Цинъянь долго молчал, пытаясь успокоиться.

— Ты прав, — наконец выдохнул он. — Раньше я думал слишком узко. Мне казалось, что раз путь к чиновничьей службе отрезан, то и надежды больше нет. Я совсем не думал о том, в каком положении окажутся мои близкие. Ван Ин, спасибо тебе.

Он произнес это так серьезно, что Ван Ин даже смутился. Почесав затылок, он буркнул:

— Главное, что ты это понял. Ладно, поздно уже, ложись спать.

Сам же он всё никак не мог выкинуть из головы мысли о пшенице на Экспериментальном поле — сегодня как раз должен был подойти срок жатвы.

За последнее время Ван Ин подметил одну закономерность: время на поле течет совсем иначе, чем в реальном мире. Сначала он не придавал этому значения, но недавно заметил, что колосья, которым до созревания оставался еще месяц, налились золотом гораздо раньше срока.

Это открытие его воодушевило. Если в обычном мире пшеница дает два урожая в год, значит ли это, что на Экспериментальном поле можно собирать три, четыре или даже больше?

«А что, если принести сюда семена овощей? — юноша прикрыл глаза. — Смогу ли я выращивать их круглый год?»

Задув свечу, Ван Ин лег в постель и уже приготовился перенестись в пространство поля, когда голос Чэнь Цинъяня снова раздался в темноте.

— Ты хочешь знать, почему мне больше нельзя сдавать экзамены?

— Если хочешь — расскажи, а нет — и не надо.

Ван Ин понимал: то, что заставило человека так круто измениться, вряд ли было чем-то приятным. И хоть любопытство его подстегивало, беречь чужие раны он не собирался.

Чэнь Цинъянь замолчал, а затем тяжело вздохнул.

— Спи.

***

На следующее утро, едва проснувшись, Ван Ин был вызван свекровью в передний двор.

В главной комнате госпожа Ли протянула ему долговые книги за последние годы.

— Ин-эр, разберешься в этом?

Ван Ин кивнул:

— Немного грамоте обучен, пойму.

Он пролистал записи. В прошлые годы доходы и расходы в целом сходились, даже оставалась небольшая прибыль. Но с марта прошлого года — как раз после неудачи Чэнь Цинъюня на экзаменах — записи обрывались.

— Почему дальше пусто?

Госпожа Ли виновато потупилась:

— Тогда Янь-эр тяжело занемог, мне совсем не до счетов было... Вот и перестала записывать...

Чэнь Цинъюнь тоже не была обучена счетоводству, так что мать и дочь вели хозяйство как придется, перебиваясь со дня на день.

Отложив книги, юноша пересчитал наличное серебро. Если не брать в расчет те суммы, что выманил Второй дядя, в доме оставалось всего шесть гуаней.

— И это всё?

Госпожа Ли и Цинъюнь синхронно кивнули.

В висках у Ван Ина заныло.

— В кладовой еще много вещей осталось, — робко подала голос Цинъюнь. — Если денег не хватит, можно что-нибудь заложить.

— Сначала посмотрим, что там есть, — решил юноша и, взяв ключи, в сопровождении свекрови и сестры отправился к кладовым.

Кладовая оказалась обычной нежилой комнатой, где в ряд стояли семь-восемь массивных сундуков.

— В этих лежат ткани, — пояснила Цинъюнь. — Когда деньги заканчиваются, мы берем сверток и несем в ломбард на Западной заставе.

Судя по ее тону, проделывала она это не раз.

Ван Ин присел и принялся считать: шесть рулонов грубого полотна, тринадцать — тонкого, три свертка шелка и один — тяжелой парчи.

Успев немного разобраться в ценах этой эпохи, он прикинул: рулон грубой ткани стоит около трехсот вэней. Его длина — сорок чи, это больше сотни метров, хватит на несколько нарядов. Тонкое полотно стоило уже один лян за рулон. Что же до шелка и парчи, те были куда дороже, да и в городке их днем с огнем не сыщешь. Видимо, старые запасы.

При залоге цена вещей сильно падает: за грубое полотно дадут не больше двухсот вэней, за тонкое — семьсот. Убытки выходили немалые.

В других сундуках обнаружили два больших набора фарфора. Эту посуду доставали только по особым случаям — в последний раз ее использовали на свадьбе Чэнь Цинъюня. Фарфор стоил дорого, но закладывать его нельзя: это «лицо» дома, трогать его — последнее дело.

Еще один сундук был доверху забит кистями, тушью и инкстоунами.

— Это Четвертый дядя, который служит чиновником в столице, присылает каждый год, — пояснила госпожа Ли. — Для учебы Янь-эра и Сун-эра. Это трогать не смей.

В это время письменные принадлежности ценились на вес золота, простым людям они были не по карману. Пожалуй, этот сундук был самым ценным во всей кладовой.

Завершив опись, Ван Ин подвел итог. Имущества в доме было примерно на сотню лянов, но трогать вещи из кладовой ему не хотелось. Реальных денег — всего шесть гуаней.

— Сколько у нас в доме людей? — спросил он, доставая кисть для записи.

— Кроме матушки и нас троих, еще восемь слуг.

Чэнь Цинъюнь принялась загибать пальцы:

— Дядя Чэнь присматривает за старшим братом, матушка Тянь ходит за мамой. Еще у меня

Сяо Цуй, а за Младшим братом присматривает Цю Ань. На кухне — тётушка Чэнь, Люцзы отвечает за закупки, старик Тянь возится со скотиной, ну и на воротах — Сяо Линьцзы.

Слугам тоже нужно платить жалованье — больше одного гуаня в месяц. Самая большая статья расходов — еда; даже если экономить, уйдет гуаней пять. Плюс лекарства для Чэнь Циньбяня — еще около трех, и это не считая непредвиденных трат.

«Пока сам не возьмешься за дела, не поймешь, в какой дыре мы оказались», — подумал Ван Ин. Семья буквально латала тришкины кафтаны.

Заметив его озабоченность, госпожа Ли поспешила его успокоить:

— Через месяц арендаторы из поместья должны привезти долю с урожая. То зерно можно будет продать гуаней за семьдесят-восемьдесят.

Шел июнь, пора жатвы пшеницы уже миновала. Обычно арендаторы сначала платили государственные налоги, а затем отдавали долю землевладельцу. То, что оставалось у них на руках, едва хватало, чтобы прокормиться до следующего года.

— А что именно выращивают в нашем поместье? — спросил юноша.

Госпожа Ли замялась:

— Да как обычно... просо, пшеницу, сорго какое-нибудь.

— И каков урожай в год?

— Раньше всем этим хозяин занимался...

Он мысленно хлопнул себя по лбу. Понятно: спросишь — не знают.

— Завтра я сам поеду в поместье, — решил Ван Ин.

— И я с тобой! — Циньюнь просияла.

— Хорошо, вместе посмотрим. Заодно проследим, чтобы нас не обвели вокруг пальца.

На самом деле он рвался в поместье не только ради проверки хозяйства. Он хотел найти клочок земли и проверить, приживутся ли там семена из его мира. Если получится — урожайность пшеницы можно будет поднять в разы.

В эту эпоху селекция была в зачаточном состоянии. Крестьяне использовали самый примитивный способ отбора — замачивали зерна в воде и выкидывали те, что всплыли. Урожайность с одного му была пугающе низкой.

Возьмем, к примеру, семью Ван. У них было восемь му хорошей земли и шесть — плохой. Хорошей считалась ровная, плодородная почва, но даже с нее в лучший год собирали лишь по три даня зерна. И это если погода благоволила! В засуху или наводнение за счастье было собрать хотя бы один дань, а то и вовсе остаться ни с чем.

Что же до плохой земли на косогорах, там влага не задерживалась, и росла в основном фасоль для собственного стола. Наверняка в поместье семьи Чэнь дела обстояли так же.

***

На следующее утро Ван Ин встал ни свет ни заря и переоделся в простую темную одежду, которую не жалко испачкать — в поле наряжаться ни к чему.

Чэнь Цинъянь тоже проснулся рано. Переодевшись, он сел в кресло-каталку, и дядя Чэнь покатил его к отхожему месту.

Вернувшись, он спросил:

— Слышал, ты в поместье собрался?

— Угу, надо на землю взглянуть.

— Прости, что обременяю тебя этим...

— Да какие хлопоты. Главное, чтобы люди там оказались толковые.

Чэнь Цинъянь задумался.

— Я еще ребенком ездил туда с отцом. Староста там человек надежный, он нам дальним родственником приходится, тоже по фамилии Чэнь. В голодные годы они бежали из уезда Ли, мой дед их пожалел и пристроил на ферму. После смерти отца мне было недосуг, всё экзамены... года три-четыре там не был. Если бы не болезнь, я бы поехал с тобой.

— Ничего, со мной Юнь-эр и матушка Тянь.

— Будьте осторожны в пути. Возвращайтесь поскорее.

— Ладно. А ты дома ешь побольше, не доводи себя снова до обморока.

Чэнь Цинъянь смущенно отвернулся. «Вечно он по больному бьет», — подумал юноша, но на душе почему-то стало теплее.

<http://bllate.org/book/15812/1423175>